Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Деревянное навершие в виде головы барана с усадьбы «С» Троицкого раскопа

Н. В. Ениосова, В. К. Сингх¹

Аннотация. Статья посвящена находке резного деревянного навершия в форме головы барана из раскопок усадьбы «С» Троицкого раскопа. В декоре сохранившегося фрагментарно изделия сочетаются элементы стилей Маммен, Борре и Винчестер, распространенных в прикладном искусстве Скандинавии и Британских островов в эпоху викингов. Возможная атрибуция этого предмета как детали кресла-трона, мастерство исполнения и орнамент, отражающий мифологические представления скандинавов, свидетельствуют о высоком статусе владельца и присутствии скандинавов среди первых поселенцев усадьбы «С». Дендрохронологическая дата сруба, около которого обнаружена резная деталь, совпадает с принятыми в западноевропейской литературе датировками стиля Маммен: между серединой X и серединой XI в.

Annotation. The paper presents a study of the wooden finial in the form of a ram head that was found in Novgorod the Great on the Troitsky XII site. The ornament of fragmentarily preserved object combines elements of Mammen, Borre and Winchester styles that are characteristic for the Viking Age applied art of Scandinavia and the British Isles. Possible attribution of the detail as the skillfully carved wooden chair-throne finial testifies for the high social status of the Property owner. It indicates to Scandinavians among the first settlers of the Property and reflects their pagan cult practices. The dendrochronological dating obtained for the wooden structures fits well with the dates (950–1050 A. D.) proposed for the Mammen style within Scandinavia and the British Isles.

Ключевые слова: Великий Новгород, Троицкий раскоп, прикладное искусство, эпоха викингов.

Keywords: Novgorod the Great, Troitsky site, applied art, Viking Age.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-93-107

Деревянное навершие, оформленное в виде головы барана, обнаружено в Великом Новгороде в 2000 г. на раскопе Троицкий XII. Оно вырезано в невысоком рельефе из цельного массива клена полукруглого сечения. Изделие сохранилось не полностью: обломан его нижний край, орнамент на плоской стороне читается только в верхней части композиции. Есть отдельные утраты и на полукруглой лицевой стороне: в изогнутой части, изображающей голову барана в профиль, и в нижней, первоначально полностью покрытой резьбой (рис. 1)².

Мастер вырезал голову животного вполне реалистично, нет никаких сомнений в его видовой принадлежности. У барана короткий плоский нос с круглой ноздрей и двумя параллельными рядами точек над ней; чуть «отвисшая» нижняя губа, большой миндалевидный глаз, подчеркнутый двойным контуром, с выходящим из него завитком; закрученный в спираль рог, маленькое треугольное ушко и рельефная щека или грива. Тонкие линии подчеркивают линию лба, затылка и шеи.

Ниже шеи на выступающей полукруглой поверхности размещена сложная несимметричная композиция, включающая изображение фантастического животного, туловище которого повернуто в профиль, а голова-личина подтреугольной формы расположена фронтально. У зооморфной маски острый подбородок, миндалевидные глаза,

¹ Ениосова Н. В., Сингх В. К. — кафедра археологии, Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия; e-mail: eniosova@gmail.com; arxeolog@gmail.com.

² Рисунок по фотографиям в отчете выполнен А. С. Дементьевой, которой мы выражаем искреннюю признательность

Рис. 1. Деревянное навершие в виде головы барана с усадьбы «С» Троицкого раскопа: фотография (1а) и прорисовка А. С. Дементьевой (1б)

Fig. 1. Wooden finial in the form of a ram's head from Property 'C' at the Troitsky Excavation site: photo (1a) and redrawing by A. S. Dement'yeva (1b)

примыкающие к носу, язык и маленькие ушки. Контур личины обведен двойной линией. По обеим сторонам от языка — усы в виде узких изогнутых полос, переходящих в ленточный плетеный орнамент, изгибающийся и закручивающийся в петли и спирали вокруг туловища. Под личиной размещены две передние конечности — зверь припал на передние лапы. Изогнутое туловище оканчивается задней лапой и хвостом с окончанием миндалевидной формы. Завершение лент, состоящих из трех или четырех параллельных линий, оформлено в виде закрученных в одну сторону завитков-«усиков» и половинами листьев аканта. Орнамент на лицевой стороне навершия в его нижней части не поддается реконструкции из-за утрат, частично сохранились лишь переплетающиеся ленты, оканчивающиеся завитками.

На оборотной плоской стороне навершия реалистичного изображения бараньей головы нет, только ее внешний контур, внутри которого размещены переплетающиеся ленты с цепочками круглых перлов. На наиболее полно сохранившемся участке мы видим элементы симметричного геометрического орнамента — ромбы и треугольники, объединенные переплетающимися окружностями — двойными лентами, оканчивающимися спиралями и завитками в виде листьев аканта.

По ряду признаков орнамент на лицевой стороне навершия принадлежит к североевропейскому стилю Маммен. Согласно норвежской исследовательнице искусства эпохи викингов С. Х. Фюглесанг, одним из основных мотивов этого стиля является полуреалистическое изображение льва, вписанного в асимметричную композицию, состоящую из заполняющих всю поверхность переплетенных, причудливо изогнутых лент. Разветвляющиеся ленты образуют двойные петли и петли в виде «кренделя», оканчиваясь полуспиральными завитками и завитками в виде аканта (Fuglesang, 1991. Р. 85–86). Чаще всего голова льва повернута в профиль, но встречается и анфасное изображение зверя (рис. 2, 1, 2), например, на некоторых панелях ларцов из Бамберга и Каммина, вырезанных из моржового клыка (Muhl, 1990. S. 72–276; 283–284; 308–316).

Как полагают, мотив льва заимствован скандинавами из обширного репертуара универсальных христианских символов, истоки изображения можно искать в византийском, англо-саксонском или германском искусстве эпохи Оттонов. Однако прямого прототипа льва стиля Маммен нет ни среди каменных резных рельефов, ни в декоре византийских или восточных шелковых тканей или иллюминированных манускриптов. Одно

Рис. 2. Изображение льва стиля Маммен на ларцах из Бамберга и Каммина: 1 — на боковой панели Бамбергского ларца, вырезанной из моржового клыка (Muhl, 1990. S. 373, Abb. 6); 2 — на боковой панели ларца из Каммина (Muhl, 1990. S. 405, Abb. 2).

Fig. 2. Representations of a lion in the Mammen style on boxes from Bamberg and Kammin: 1 — on the lateral side of the Bamberg box carved from a walrus tusk (Muhl, 1990. S. 373, Abb. 6); 2 — on the lateral side of the box from Kammin (Muhl, 1990. S. 405, Abb. 2)

из первых изображений льва, адаптированного к «варварским» вкусам северной элиты, датские резчики поместили на знаменитом Еллингском камне — королевском монументе, воздвигнутом в промежутке между 960 и 985 г. (Fuglesang, 1991. P. 103).

Ленточный орнамент новгородского навершия, дополненный растительными элементами, полностью заполняет пространство композиции, оплетая и обрамляя фигуру зверя, завершая его лапы и хвост. Исследователи художественных стилей эпохи викингов считают, что мотивы завитков-усиков, лепестков и листьев аканта были заимствованы из двух источников — каролингского искусства и англо-саксонского стиля «Винчестер», также сложившегося под влиянием континентальной художественной традиции (Lennartsson, 1999. S. 454–455). К «Винчестерской» школе принадлежат иллюминированные манускрипты, каменные архитектурные детали, навершия посохов из моржового клыка и многочисленные поясные металлические аксессуары, получившие распространение на юге Англии и в северо-восточной области Денло. Расцвет и наивысшая популярность стиля «Винчестер» приходится на вторую половину X — середину XI в.: во многом его широкое распространение связано с культурным обменом и ассимиляцией в смешанных англо-скандинавских сообществах в период

наиболее сильного влияния датчан. Воздействие художественных мотивов англо-саксонского искусства на развитие стилей Борре, Еллинге, Маммен и Рингерики нашло отражение в изделиях, декорированных в смешанных стилях (Kershaw, 2008. P. 254–269).

Из-за датского происхождения наиболее известных находок, выполненных в стиле Маммен, — Еллингского камня, топора из кургана Бьеррингхей (Bjerringhøj) в Маммене или Бамбергского ларца, принадлежащего дочери Кнута Великого, — данный стиль иногда называют южноскандинавским. Однако находки, относящиеся к этому кругу древностей, получили распространение на обширных территориях от Британских островов на западе до Южной Руси на Востоке, от Норвегии на севере до Испании на юге (Wilson, Klindt-Jenssen, 1963. P. 132–133). Нет необходимости приводить их полный список, но следует отметить, что наиболее популярными материалами для резчиков были моржовый клык и камень: изображения в стиле Маммен помещали на рунические камни и каменные кресты. Хорошо известны такие шедевры прикладного искусства, как металлические накладки на лошадиный хомут из Сёллестед (Дания) или флюгер из Хеггена (Норвегия), а также инкрустированные серебром предметы вооружения. Значительно реже встречаются резные предметы из дерева и металлические

украшения (Wilson, 2012. Р. 330–331). Изделия из дерева, декорированные в стиле Маммен, встречаются редко. Одно из них обнаружено в Дублине в археологическом контексте с монетами 920–950-х гг. (Lang, 1988. Р. 10–17).

В последние десятилетия перечень находок, опубликованный в статье С. Х. Фюглесанг, пополнился изделиями из рога и дерева, происходящих из раскопок польского Волина (Stanislawski, 2007. S. 44–46, гус. 18, 49, с). Расширился и список предметов с декором в стиле Маммен с территории Древней Руси. К хорошо известным произведениям косторезного ремесла — накладкам на луку седла из погребения 42 в Шестовице и рукояти из Гнёздовского некрополя (курган 16 из раскопок С. И. Сергеева в 1900 г.) следует добавить византийский глиняный сосуд, на днище которого процарапан орнамент в виде трех переплетенных змей из шестовицкого погребения 105, а также ребро коровы с резным изображением дракона — случайную находку из Черниговской области (Андрушук, Зоценко, 2012. С. 208, рис. 148, а-б; С. 266–267, рис. 206, а-б; С. 307, рис. 242; Пушкина, 1993. С. 61–62, рис. 6). Из черниговского кургана Черная могила (980–1025 гг.) происходит парадный железный скипетр, инкрустированный серебром. Исследования, проведенные недавно с помощью синхротронного и нейтронного методов анализа, выявили декор, принадлежащий по морфологическим и технологическим признакам к стилю Маммен (Murasheva et al., 2021. Р. 9, fig. 13). Два роговых острия с объемным изображением головы зверя и плетеным резным орнаментом на тулове, обнаруженные на Замковой горе в Киеве, были отнесены к стилю Маммен в публикации Т. Капелле (Capelle, 1998. S. 561–563, Abb. 2, 3).

Исследователи скандинавского искусства эпохи викингов отмечают, что стиль Маммен в некоторых случаях совмещается с более поздним стилем Рингерики: их объединяют такие общие признаки, как асимметрия, ленточное плетение, зооморфные и растительные мотивы. Немало общих черт у стиля Маммен с предшествующим стилем Еллинг: в некоторых случаях между ними трудно провести отчетливую границу (Wilson, Klindt-Jenssen, 1963. Р. 118). В известных нам публикациях и музейных коллекциях до сих пор не встречались предметы, в декоре которых соединялись бы характерные черты стилей Маммен и Борре. Вероятно, навершие в виде головы барана из Новгорода является одним из редких случаев использо-

вания мотива симметричных кольцевых звеньев, характерных для стиля Борре, в сочетании с переплетенными двойными лентами, оканчивающимися листьями аканта (рис. 1). Конечно, орнамент на оборотной стороне новгородской находки нельзя отнести к «незамутненно-чистому» примеру самого популярного стиля эпохи викингов с его четкой ритмичной организацией, но, вместе с тем, навершию нет места и среди изделий, в декоре которых использован редуцированный мотив Борре — цепочка соединенных друг с другом треугольников-позвонков и кольцевидных узлов, получившая название «Gaut's ring chain» (Wilson, Klindt-Jenssen, 1963. Р. 108, fig. 49). Эта характерная черта особого «колониального» стиля, получившего широкое распространение во второй половине X — начале XI в. в Ирландии и Англии, балтийском регионе и Новгороде, отражает влияние северного искусства в период максимальной экспансии скандинавов в Европе (Ó Floinn, 2001. Рр. 89–91; Точилова, 2021. С. 203–205).

По мнению Н. Н. Точиловой, наиболее ранние новгородские деревянные находки с редуцированным мотивом кольцевидных цепочек стиля Борре, появились под влиянием северной художественной традиции и находят параллели в периферийных регионах скандинавского мира (Точилова, 2021. С. 205). Навершие в виде головы барана с Троицкого раскопа отличается от произведений этого круга уровнем мастерства и несомненной принадлежностью к классическим образцам стилей Маммен и Борре, хотя сочетание их отдельных диагностических признаков на оборотной стороне изделия необычно для скандинавского искусства.

Перенос элементов плетения стиля Маммен на оборотную плоскую сторону навершия создает эффект объемного изображения. Несомненно, эта вещь выполнена опытным резчиком: он хорошо понимал стилевые и семантические особенности орнамента и виртуозно объединил реалистическое изображение головы барана, «условного льва» и кольцевую симметричную цепочку Борре со сложным, лишенным симметрии плетением из лент, завитков, спиралей и листьев аканта.

Для изготовления навершия мастер выбрал прочную и твердую древесину клена — светлую, с желтоватым оттенком и шелковистым блеском. Такой материал хорошо подходит для резьбы вручную, создания сложного декора и объемных скульптурных изображений. Судя по результатам

определения пород древесины Троицкого XIII и XIV раскопов, сделанных Л. Н. Соловьевой³ (выборка превышает 1000 образцов), клен чаще всего использовали для изготовления ложек и сосудов. Находки заготовок различных предметов свидетельствуют, что этот материал был хорошо знаком новгородским резчикам по дереву уже на самых ранних этапах существования города. На ковшах, чашах и тарелках из клена иногда встречаются языческие и христианские символы (Мусин и др., 2016. С. 157–170). Изделия из клена получили широкое распространение и в Северной Европе, среди находок из этой породы дерева известны отходы токарного производства из Хеддебу, резные детали мебели и посох из Лунда, знаменитые скульптурные головы драконов из погребения в Усеберге (Från Vikingar till Korsfarare, 1992. P. 261, 96, 271, 166; Blomqvist, Martensson, 1963. S. 213, 16).

Вероятнее всего, мастер, создавший навершие, был скандинавом, но место производства этого предмета определить сложно. В скандинавской литературе принято относить резьбу в стиле Маммен к произведениям элитарного искусства (Fuglesang, 1991. P. 85). Неслучайно практически все древнерусские находки, принадлежащие к этому кругу, происходят из наиболее богатых и статусных погребений Чернигова, Шестовицы и Гнёздова.

Близкая параллель новгородскому навершию происходит из городского слоя шведского Лунда (рис. 3). Это целиком сохранившийся посох длиной 98,5 см, вырезанный из цельного массива кленового дерева, его рукоять — скульптурная голова дракона с гривой, выступающим носом, большими круглыми глазами, полуоткрытой пастью и закрученными в спираль усами. Орнамент, покрывающий верхнюю часть посоха, представляет синтез стилей Рингерики и «Винчестер». На гладком участке рунами вырезано скандинавское имя «Ulvkil». Датировка находки из Лунда укладывается в промежуток между 975 и 1050 г. (Roesdahl, 1981. Pp. 34–35, fig. B42). Подпись мастера Ульфкила из Лунда обнаружена также на двух серебряных фибулах: из Лунда в шведской провинции Сконе и с острова Лолланн в Южной Дании. Как полагают, он жил в первой половине XI в. и был человеком высокого статуса — златокузнецом и

Рис. 3. Кленовый посох с орнаментом в стилях Рингерики и «Винчестер» первой половины XI в. из раскопок в Лунде (Rosborn, 2004. S. 81)

Fig. 3. Maple staff with a decoration in the Ringerike and “Winchester” styles of the first half of the 11th century from excavations at Lund (Rosborn, 2004. S. 81)

чеканщиком монет (Från Vikingar till Korsfarare, 1992. P. 232, 19).

Несмотря на несомненное сходство с посохом из Лунда, новгородскую находку отличают не только морфологические и стилистические особенности изображения, но и функциональное назначение. Посох имеет в сечении круг, а навершие с Троицкого раскопа — сегмент круга, то есть оно вырезано из ствола дерева, обтесанного с одной стороны. Кроме того, в нижней обломанной части изделия частично сохранилось просверленное круглое отверстие: с его помощью резная деталь с головой барана крепилась к основе. Возможно, новгородское навершие является верхней частью опоры спинки кресла либо одним из подлокотников, украшающих его передние стойки. Его внешняя сторона была полукруглой, а внутренняя — плоской.

Парные боковые планки в изголовье лежанок известны в погребениях IX в. из Усеберга и Гокстада, они украшены резными головами драконов. Вертикальная задняя планка, завершающаяся

³ Мы выражаем глубокую признательность Л. Н. Соловьевой за предоставленные данные.

Рис. 4. Спинка кресла-трона первой половины XI в. из раскопок в Лунде (Rosborn, 2004. S. 81)

Fig. 4. Back of a throne chair of the first half of the 11th century from excavations at Lund (Rosborn, 2004. S. 81)

вверху резной головой зверя, происходит из округа Брауншвейга в Нижней Саксонии (Vierck, 2002. S. 53, abb. 18, б). Судя по высоте планки, округлому сечению в ее верхней части и прямоугольному — в нижней, а также из-за отверстий для крепления спинки можно предположить, что эта деталь была частью трона, принадлежавшего правителю, знатному человеку или церковному иерарху в период правления Салической династии (1024–1125 гг.).

Вертикальные стойки из тесаных кленовых досок высотой 75 см и крепившаяся между ними спинка происходят из раскопок Лунда (рис. 4). Это простое по форме кресло первой половины XI в. не имело резных деталей, но исследователи полагают, что оно принадлежало персоне высокого ранга. В эпоху викингов такие кресла-троны символизировали могущество и власть. Люди простого звания сидели на полу или простых скамьях и табуретах (Från Vikingar till Korsfarare, 1992. P. 270, 163; P. 272, 167; P. 375, 561).

Идея использования трона как манифестации высокого социального статуса была почерпнута скандинавами у элиты Каролингской империи вместе с другими королевскими инсигниями.

Изображение правителя на троне с подлокотниками в виде резных львиных голов можно найти, например, в миниатюрах псалтыри императора Лотаря, относящейся к 842 г. (Wamers, 2005. S. 37–47, abb. 6). На тронах с резными подлокотниками восседают английский король Эдвард, Вильгельм Завоеватель и другие исторические персонажи гобелена из Байе, созданного между 1077 и 1082 г. (Musset, 2002. P. 88, 146).

Амулеты в виде миниатюрных моделей тронов обнаружены в женских погребениях и кладках IX–XI столетий из Швеции, Дании, Германии и с островов Готланд и Эланд (Vierck, 2002. S. 42–43, abb. 10; Jensen, 2010. P. 58–61). Наиболее сложный по композиции и символике серебряный экземпляр происходит с поселения Лейре в Дании: спинка трона декорирована звериными мордами, на поручнях разместились птицы, а передние стойки украшены фигурными навершиями. Антропоморфная фигурка на троне, возможно, изображение Одина или вельвы (Price, 2013. P. 174, fig. 14). Одни исследователи полагают, что амулеты являются моделями тронов, стоявших в скандинавских языческих храмах: на них восседали жрецы-шаманы (Price, 2002. P. 167). Другие считают, что эти подвески к женским ожерельям в большей степени христианские символы, указывая, что в некоторых погребениях они обнаружены вместе с крестами-подвесками (Jensen, 2010. P. 61). Х. Фирк связывал происхождение данной разновидности амулетов с королевскими регалиями континентальной Европы и полагал, что эти редкие находки⁴ свидетельствуют о высоком статусе владевших ими женщин и в целом отражают синкретические религиозные воззрения скандинавов (Vierck, 2002. S. 47–55).

Средневековые деревянные скамьи с резными опорами спинки и подлокотниками на передних стойках (так называемые «королевские скамьи») сохранились до наших дней в некоторых скандинавских церквях и региональных музеях народного искусства. Одной из наиболее древних считается экземпляр (рис. 5) из провинции Вестерноррланд в Северной Швеции (Kühne, Walker, 1997. S. 4–5).

Таким образом, нам удалось установить, что новгородское резное навершие в виде головы барана принадлежит к довольно узкому кругу

⁴ Всего известно 17 находок, на территории Древней Руси этот вид амулетов пока не обнаружен.

предметов, декорированных в целом в стиле Маммен, но отражающих влияние англо-саксонской художественной традиции. Уникальной чертой этого экземпляра является включение в структуру орнамента элементов более раннего скандинавского стиля Борре. Принимая во внимание элитарный характер декора, мастерство резчика и вероятную атрибуцию находки как элемента престижной мебели, мы можем предположить, что этот редкий для Новгорода экземпляр свидетельствует о высоком социальном статусе владельца и его прямых контактах с Северной Европой. Возможно, он и сам был скандинавом.

Обратимся к контексту находки.

Усадьба «С» относится к дворовладениям, расположенным в южной части Троицкого раскопа. Она находилась на перекрестке Пробойной улицы и безымянного переулка. С севера она граничила с усадьбой «Е», а на западе — с усадьбами «Ж» и «У» (рис. 6).

В отличие от большинства дворов, открытых на Троицком раскопе, усадьба «С» исследована лишь частично. Она изучалась на XII (1995–2000 гг.) XIII (2001–2009 гг.) и XIV (2001–2011 гг.) участках Троицкого раскопа. В площадь исследований небольшими полосами попали северная и западная зоны этой усадьбы. Основная ее часть до сих пор остается нераскопанной, что не позволяет в полной мере достоверно судить о размерах и системе внутриусадебной планировки и застройки. Тем не менее, по направлению межусадебных оград, следов от них в материке и трассе безымянного переулка, можно определить границы, примерную площадь и ориентировку усадьбы в пределах городского квартала.

Необходимо отметить, что на раннем этапе освоения этой территории Людина конца Новгорода (30-е гг. X — первая половина XI в.) площадь усадьбы «С» занимали два двора, разделенные плетневой оградой. Усадьба, на которой была найдена зооморфная резная деталь, занимала второе место от перекрестка Пробойной улицы и безымянного переулка (усадьба «С2»). Въезд на территорию усадьбы располагался с юга, со стороны безымянного переулка. На всю длину прослежена ее западная граница, составляющая 30 м, и северная — около 25 м. Таким образом, общая площадь домовладения составляла порядка 750 кв. м (при исследованной площади около 220 кв. м).

Древнейшая застройка на данной территории возникла не на пустом месте. Какое-то время этот

Рис. 5. «Королевская» скамья из церкви, провинция Вестерноррланд в Северной Швеции (Kühne, Walker, 1997. S. 4)

Fig. 5. "Royal" bench from a church in Västernorrlands län in Northern Sweden (Kühne, Walker, 1997. S. 4)

участок использовался для хозяйственных нужд, о чем свидетельствуют разрозненные скопления деталей от деревянных конструкций, а также некоторые материковые ямы, которые перекрывались сооружениями первого яруса застройки (Янин и др., 2001. С. 189). Уже в это время данная территория Людина конца была разделена на участки плетневыми оградой, по линиям которых впоследствии прошли межусадебные частоты, отделявшие северные усадьбы, выходившие на Черницыну улицу, от южных, ориентированных на безымянный переулок.

В юго-восточном углу тыльной части домовладения располагался только один сруб (XII–194). Он сохранился на высоту двух венцов и был рублен в обло из бревен диаметром 18–22 см. Постройка имела подквадратную в плане форму, размерами 4,8 × 5,2 м. Западные концы северной и южной стен выступали на 2,0–2,5 м, образуя широкое крыльцо перед входом в дом. В юго-западном углу сруба зафиксированы два столба, вероятно, от опечка, однако каменного развала печи не сохранилось. Под углы сруба подведены фундаментные подкладки. Вдоль стен сруба была устроена обкладка-завалинка (фундаментная площадка)

Рис. 6. Ситуационный план усадеб Троицкого раскопа
Fig. 6. Situational plan of properties at the Troitsky Excavation

Рис. 7. Топография находок на усадьбе «С»
у сруба XII-194. а — находки

Fig. 7. Topography of the finds from Property 'C' near
wood-frame structure XII-194. a — finds

из бревен, закрепленных кольями с внешней стороны. Дендрохронологический анализ деталей конструкции выявил дату рубки — 957 г.⁵ К западу от сруба зафиксированы отдельные

⁵ Дендрохронологический анализ образцов проведен канд. ист. наук, ведущим научным сотрудником Новгородского музея-заповедника О. А. Тарабардиной.

скопления деревянных деталей, обрубков бревен, досок, горбылей, не образующих конструкций.

Деревянная резная деталь, оформленная в виде головы барана, была найдена в узком пространстве между восточной стеной сруба XII-194 и плетневой оградой усадьбы. Вероятно, ее могли туда выбросить после поломки кресла-трона.

Интерес представляет и комплекс находок, обнаруженный как внутри сруба, так и на прилегающей к нему территории (рис. 7). К кругу скандинавских древностей относится фрагмент железной крученой гривны (рис. 8, 3), найденный внутри постройки (23-1560-81⁶). Тордированные гривны, к которым могли быть подвешены миниатюрные молоточки и свернутые из проволоки кольца, связаны с культом скандинавского бога Тора. Они широко распространены в Средней Швеции и на территории Древней Руси (Янссон, 1999. С. 31). Помимо рассматриваемой находки обломки гривен обнаружены на усадьбах «Е» Неревского и Троицкого раскопов. К магическим предметам относится свинцовый молоточек Тора (рис. 8, 2) — изделие очень низкого качества, вероятно, литейный брак (яма⁷ В-4-1526-?)⁸. Он обнаружен в материковой яме, расположенной в непосредственной близости от сруба (у северо-западного угла). Более качественный экземпляр из медного сплава происходит с усадьбы «У», граничащей с усадьбой «С». Четыре железных молоточка на тордированном кольце с завязанными концами найдены на усадьбе «Г» (Рыбина, Хвоцинская, 2010. С. 74, рис. 8).

К культовым предметам, вероятно, принадлежит грубо вырезанная антропоморфная фигурка: хорошо читается мужское лицо и две клинообразно заточенные ножки (рис. 9, 1). Аналогии антропоморфному миниатюрному изваянию распространены в X-XI вв. в Балтийском регионе, например, в Хедебю в мокром слое сохранились находки такого рода из дерева, кости и рога. Как полагают, среди них представлены игральные фишки, фигурки домовых и божков (Schietzel, 2014. S. 463). В Новгороде большинство таких

⁶ Здесь и далее в скобках указаны паспортные данные находок: пласт — квадрат — полевой номер.

⁷ Здесь и далее в скобках дается: наименование объекта, № квадрата и № вещи.

⁸ В статье А. Е. Мусина и О. А. Тарабардиной ошибочно указано отношение этой находки к усадьбе «Е» (Мусин, Тарабардина, 2019. С. 772).

Рис. 8. Находки из сруба XII-194 и прилегающей к нему территории: 1 — звенья костыльковой цепочки с кольцами (железо, медный сплав); 2 — подвеска — молоточек Тора (свинец); 3 — тордированная гривна (железо)

Fig. 8. Finds from wood-frame structure XII-194 and the adjoining area: 1 — links of a nail chain (iron, copper alloy); 2 — Tor's hammer pendant (lead); 3 — torque (iron)

предметов обнаружено в слоях X и XI в., но они встречаются и в более поздних напластованиях.

Т. Д. Панова выделяет три типа антропоморфной скульптуры: стержни с навершием в виде головы человека, небольшая скульптура с четко выраженным постаментом или плоским основанием и фигурки на двух ногах (Панова, 1989. С. 88). Наша находка относится к третьему типу по данной классификации. Антропоморфные фигурки из Новгорода нельзя рассматривать только в рамках германской языческой традиции (Мусин и др., 2016. С. 161–162). Народная вера в домашнего духа — покровителя семьи, скота и хозяйства в целом, обитающего в каждом доме и дворе, — имеет глубокие корни и в славянской мифологии (Левкиевская, 1999. С. 120–124). По мнению А. В. Арциховского и Б. А. Колчина, новгородские антропоморфные фигурки являются отражением языческих представлений славян о домовых, оберегающих домохозяев от злых сил и бедствий (Арциховский, 1956. С. 33; Колчин, 1971. С. 42).

Из той же материковой ямы, где найден свинцовый молоточек Тора, происходит фаллический предмет (рис. 9, 2), украшенный резьбой и росписью (яма В-4-1526-7). Два аналогичных предмета были найдены на усадьбах «И» (предматерик, кв. 1252) и «Р» (яма В-203, кв. 1236). Во всех трех случаях они обнаружены у межусадебных границ.

Возможно, подобные находки свидетельствуют о наличии культа рождения новой жизни, плодородия, жизненной силы и связаны с языческими обрядами первопоселенцев Новгорода. На существование фаллического культа в раннем Новгороде указывает и находка с усадьбы «Е» Неревского раскопа: здесь в слое рубежа X–XI вв. было обнаружено латунное навершие — сидящая фигурка божка с выраженными половыми признаками. Возможно, это изображение бога плодородия Фрейра из скандинавского пантеона. Самая близкая аналогия этой находке — металлическая миниатюрная фигурка Фрейра — происходит из Рэлинге в шведской провинции Сёдерманланд (Мусин, Тарабардина, 2019. С. 768, рис. 2, E2).

В культовой практике языческой Скандинавии совмещались религиозные и сексуальные ритуалы. Эти языческие обряды нашли отражение в сагах и эддической поэзии, в сочинениях Ибн-Фадлана и Адама Бременского. Известна находка деревянного резного фаллоса из раскопок укреплений Даневирке в Ютландии. Как полагают, это либо часть большой деревянной скульптуры — языческого идола, либо жезл для ритуальных действий, связанных с культом плодородия (Hedeager, 2011. Р. 104–115).

Среди находок из дерева, обнаруженных внутри сруба XII-194, есть еще два предмета,

Рис. 9. Находки из сруба XII-194: 1 — антропоморфная фигурка (дерево); 2 — фаллический предмет (дерево); 3 — фрагмент игрушечного лука (дерево); 4 — точеная чаша со знаком трикетра (дерево); 5 — крюк с антропоморфным навершием (дерево); 6 — рукоять игрушечного меча (дерево)

Fig. 9. Finds from wood-frame structure XII-194: 1 — anthropomorphic figurine (wood); 2 — phallic object (wood); 3 — fragment of a toy bow (wood); 4 — chiselled bowl with triquetra sign (wood); 5 — hook with an anthropomorphic tip (wood); 6 — hilt of a toy sword (wood)

указывающих на влияние скандинавской материальной культуры, хотя их нельзя отнести к импортам из Северной Европы или этническим маркерам присутствия скандинавов. К ним относятся деревянная точеная чаша (рис. 9, 4) с вырезанным на ней редуцированным знаком трикетры (23-1544-23) и рукоять игрушечного деревянного меча типа 2 (рис. 9, 6) с подтреугольным навершием (22-1542-79).

Трикетры относятся к апотропейным символам, они встречаются на памятниках Скандинавии и в тех пунктах на территории Руси X — начала XI в., где ощутимо скандинавское влияние. Изображения этого символа известны в Новгороде на усадьбах «И» (ручка ковш, последняя четверть X в.) и «Г» (уключина, конец X — начало XI в.) (Мусин, Тарабардина, 2016. С. 163, рис. 6, 1, 2).

Детские мечи типа 2, сохранившие характерные детали боевого оружия, сходны по форме

с типами А, В и Н по классификации Я. Петерсена. Они бытуют в Новгороде с X по XIII в., но пик их распространения приходится на X–XI столетия. Аналогичные находки встречаются в Старой Ладогге, Пскове, Гданьске и других памятниках Балтийского региона (Сингх, Степанов, 2020. С. 185–187, 191–192, рис. 3, 4). На усадьбе «С» найден также фрагмент деревянного игрушечного лука (22-1553-32).

Внутри сруба XII-194 обнаружена деревянная посуда — ложки (в том числе с резными рукоятками и заготовки), ковш, чаши; универсальные инструменты (ножи и шилья), сельскохозяйственные орудия (деревянная мотыга, два сошника и серп), рыболовные снасти (деревянные поплавки со знаками, жерлица, каменные грузила); детали саней; деревянные крюки (в том числе с антропоморфным навершием — 22-1555-41) (рис. 9, 5), а также бытовая и хозяйственная утварь.

К бытовым находкам следует, вероятно, отнести звенья железных костыльковых цепочек (23–1559–63; 23–1558–72). Одна из них состоит из пяти звеньев с проволочными завязанными кольцами из медного сплава на концах (рис. 8, 1). На одном кольце сохранилась железная трапециевидная подвеска, обломанная в нижней части. Возможно, она использовалась для крепления цепочки к коже или дереву либо это обломок предмета, висящего на цепочке. Согласно классификации Г. Арвидссон, сделанной для материала из могильника Бирки, такой тип цепочек относится к типу 7. С их помощью к поясу подвешивали ключи, ножи, ножницы, игольники и другие необходимые в повседневной жизни предметы (Arwidsson, 1989. S. 73–74, abb. 14, 7).

Во дворе перед срубом и в пространстве между стеной сруба и плетневой оградой найдено шесть ладейных заклепок. Они относятся к наиболее распространенному в Северной Европе типу: с округлой головкой, стержнем, округлым в сечении, и ромбовидной шайбой (Bill, 1994. P. 57). Различаются лишь диаметр ножки и ее длина (от 1,5 до 5,5 см), а, соответственно, и расстояние между шляпкой и шайбой.

Эти изделия традиционно связывают с кораблестроением и, по мнению исследователей, подобные находки являются практически единственным археологическим свидетельством наличия дощатых судов ладейного типа с жесткими связями и клинкерной обшивкой (Дубровин, 2000. С. 34). По мнению П. Е. Сорокина, заклепки являются прямым свидетельством связей с Северной Европой, так как они обнаружены по всем основным путям следования торговых судов в Восточной Европе (Сорокин, 2018. С. 73). Вместе с тем такие заклепки могли использоваться в строительстве домов, дверей, мебели, транспортных средств и других деревянных конструкций (Zori, 2007. P. 32).

Ладейные заклепки обнаружены и на соседних усадьбах «Е», «Ж» и «У» в синхронных хронологических слоях, а также на других дворах, открытых на Троицком раскопе. В связи с этим стоит отметить значительное количество деревянных нагелей на усадьбе «Е», а также вымостку из корабельных деталей, построенную в конце X — начале XI в. Вероятно, пришедшие в негодность деревянные суда были разобраны, а их детали использованы вторично.

В срубе XII–194 и перед входом в постройку найдено шесть односторонних роговых гребней

(один из них в футляре), что составляет половину известных на усадьбе «С» находок этой категории. Все они относятся к типу 1 («А») по классификации Л. И. Смирновой или группе 2 по О. И. Давидан (Smirnova, 2005. P. 97). Несмотря на широкое распространение наборных гребней в Балтийском регионе и Восточной Европе, нельзя не признать, что на новгородскую усадьбу второй половины X в. эти изделия, принадлежащие скандинавской производственной традиции, попали вместе с другими характерными для эпохи викингов атрибутами вместе со своими владельцами, самым тесным образом связанными с Северной Европой. Об их участии в международной торговле с югом свидетельствуют находки раковины каури (23–1543–90) и скорлупы грецких орехов.

Анализ находок с усадьбы «С» показывает, что среди ее первых жителей, несомненно, были люди скандинавского происхождения. Наиболее выразительными атрибутами их материальной культуры являются предметы, связанные с магией и культом: железная гривна, молоточек Тора, антропоморфная фигурка и фаллический жезл. Возможно, владелец кресла-трона, от которого сохранилась только резная деталь подлокотника, был владельцем усадьбы и участвовал в ритуальных действиях, например, в строительных жертвах, оберегающих пространство жилища и двора от злых сил.

Скульптурное изображение головы барана на резной детали северного происхождения неизбежно вызывает ассоциации с одним из персонажей скандинавского языческого пантеона, хотя поиск прямых и однозначных соответствий ограничен из-за позднего характера привлекаемых письменных источников (Hedeager, 2011. P. 21–32). В скандинавской мифологической традиции баран ассоциируется с Хеймдалем (Heimdallr) — богом из рода асов, стражем богов и мирового дерева. Среди его необыкновенных качеств — способность слышать рост травы и овечьей шерсти. Таким образом, баран выполняет роль священного и жертвенного животного, в образе которого Хеймдаль является другим героем северных мифов (Simek, 2008. P. 136).

Жертвоприношения животных и связанные с этим ритуалы нашли отражение как в скальдической поэзии, так и в региональных средневековых законах Северной Европы, запрещающих эту практику (Hultgård, 2012. P. 215–217). На территории Древней Руси жертвоприношения баранов зафиксированы в больших курганах Гнёздова и

Рис. 10. Деревянные предметы с изображением головы барана

Fig. 10. Wooden objects with representations of a ram's head

Чернигова (Петрухин, 1975. С. 85–92). В этой связи интересно отметить находки двух бараньих черепов в этих же хронологических слоях, но обнаруженных на соседней усадьбе «Е». Один из черепов находился у межусадебной границы, буквально в двух метрах от северо-восточного угла сруба XII–194 и резной детали в виде головы барана.

На усадьбах, открытых на Троицком раскопе, в слоях 30-х гг. — второй половины X в. найдено несколько предметов, оформленных в виде бараньих голов. Деталь в виде изогнутого острия, завершающегося искусно вырезанной головой животного, очень похожа на аналогичные изделия из рога, но ближе к скульптурной головке просверлено отверстие, а в центральной части есть шесть параллельных насечек (рис. 10, 6). Острие найдено в слоях середины X в. на границе усадеб «М» и «З» (пл. 21, кв. 516). Еще пять резных бараньих голов, выполненных с разной степенью реалистичности, завершают рукояти чаш или ковшей. Они найдены на усадьбах «А», «Ж1» (2 экз.), «Ж2» и «Р» (рис. 10, 1–5). Очевидно, что образ барана имел определенную популярность у новгородских резчиков по дереву и первых жителей Людина конца. Помимо возможной символической

и ритуальной роли этого животного следует отметить и повседневные потребности, связанные с приготовлением пищи, получением сырья для изготовления шерстяных тканей и косторезного ремесла. Археозоологические исследования на Троицком раскопе показали, что в X–XII столетиях мясо молодых домашних коз, овец и баранов составляло значительную долю в мясном рационе новгородцев (Maltby, 2012. P. 351–380).

Оценивая резную деталь в виде головы барана в контексте находок скандинавского круга, обнаруженных на Троицком раскопе, следует подчеркнуть, что она занимает среди них исключительное место. На фоне рядовых и широко распространенных изделий северного происхождения, изготовленных из черного и цветного металла, камня, кости, рога и дерева, ее отличают мастерство исполнения, принадлежность к редким произведениям прикладного искусства, выполненных в стиле Маммен, и функциональное назначение. Это одно из редких изделий, свидетельствующих об использовании престижной мебели с орнаментом, отражающим мифологические представления и ритуальную языческую практику скандинавов второй половины X в. Дендрохронологическая дата

сруба, около которого обнаружено резное навершие, дает еще одно твердое основание для определения хронологических рамок стиля Маммен и совпадает с принятыми в западноевропейской литературе датировками: между серединой X и серединой XI в. Трудно даже гипотетически определить, в силу каких обстоятельств обломок резного кресла-трона оказался между стенкой

сруба и плетневой оградой усадьбы «С» и сохранились ли другие детали. Можно надеяться, что дальнейшие исследования на этом участке подтвердят или опровергнут нашу атрибуцию этой замечательной находки и принесут новый материал, свидетельствующий о хозяйстве, быте и языческих культах первых поселенцев Людина конца.

Андрущук, Зоценко, 2012 — Андрущук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси // *Ossational Monographs* — 3 published by Ukrainian National Committee for Byzantine Studies. Paris, 2012. 367 с.

Арциховский, 1956 — Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 55). Т. 1. С. 7–43.

Дубровин, 2000 — Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. В 2-х тт. М.: ИА РАН, 2000. 442 с.

Колчин, 1971 — Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-55). 114 с.

Левкиевская, 1999 — Левкиевская Е. Е. Домовой // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 695 с.

Мусин и др., 2016 — Мусин А. Е., Тарабардина О. А., Кокуца Л. В., Кубло Э. К. Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе // *РАЕ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитаж*, 2015–2016. № 5–6. С. 157–170.

Мусин, Тарабардина, 2019 — Мусин А. Е., Тарабардина О. А. Скандинавы среди первопоселенцев Новгорода по данным археологии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История. СПб.: Изд-во СПбГУ*, 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785.

Панова, 1989 — Панова Т. Д. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X–XIV вв. // *СА. 1989. № 2. С. 88–96.*

Петрухин, 1975 — Петрухин В. Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнёздова и Чернигова // *Вестник МГУ. Серия 8. История. № 2. М.: Изд-во МГУ*, 1975. С. 85–92.

Пушкина, 1993 — Пушкина Т. А. Изделия косторезного ремесла из Гнёздова // *Средневековые древности Восточной Европы. М.: ГИМ*, 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 82). С. 57–68.

Рыбина, Хвощинская, 2010 — Рыбина Е. А., Хвощинская Н. В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // *Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова* / Под ред. Н. В. Хвощинской, А. Е. Мусина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 66–78.

Сингх, Степанов, 2020 — Сингх В. К., Степанов А. М. Деревянные игрушки — имитации предметов вооружения из раскопок средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // *АВ. СПб.: ИИМК РАН*, 2020. Вып. 28. С. 182–194.

Сорокин, 2018 — Сорокин П. Е. О погребениях в ладье на территории Руси // *Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия. Сб. материалов междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.; Изд-во МГУ*, 2018. С. 73–74.

Точилова, 2021 — Точилова Н. Н. Происхождение и атрибуция декора некоторых деревянных предметов раннесредневекового Новгорода // *НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ*, 2021. Вып. 34. С. 200–206.

Янин и др., 2001 — Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 2000 год. М., 2001 // *НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23596.*

Янсзон, 1999 — Янсзон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари*, 1999. С. 18–38.

Arwidsson, 1989 — Arwidsson G. Ketten // *Birka II:3. Sysyematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm*, 1989. S. 73–78.

Bill, 1994 — Bill J. Iron Nails in Iron Age and Medieval Shipbuilding. Crossroads in Ancient Shipbuilding. ISBSA 6. Oxford; Oxbow Monographs, 1994. P. 55–63.

Blomquist Mårtensson, 1963 — Blomquist R., Mårtensson A. W. Thulegrävninggen 1961: en berättelse om vad grävningarna för Thulehuset i Lund avslöjade. Lund: Kulturhistoriska museet, 1963. 300 s.

- Capelle, 1998 — Capelle T. Eine skandinavische Hornschnitzerwerkstatt in Kiev // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1998. S. 561–563.
- Från Vikingar till Korshfarare, 1992 — Från Vikingar till Korshfarare. Norden och Europa 800–1200. Stockholm. 1992. 432 p.
- Fuglesang, 1991 — Fuglesang S. H. The axehead from Mammen and the Mammen style // Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid. Højbjerg, 1999. P. 83–107.
- Hedeager, 2011 — Hedeager L. Iron Age Myth and Materiality. An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. Routledge. London; New York, 2011. 286 p.
- Hultgård, 2012 — Hultgård A. The Old Norse gods // The Viking World. Routledge. London; New York, 2012. P. 219–223.
- Jensen, 2010 — Jensen B. Viking Age Amulets in Scandinavia and Western Europe // BAR International Series 2169. Oxford. 2010. 211 p.
- Kershaw, 2008 — Kershaw J. The Distribution of “Winchester” style in Late Saxon England: Metalwork Finds from the Danelaw // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History, 15. Oxford: Oxford University School of Archaeology, 2008. P. 254–269.
- Kühne, Walker, 1997 — Kühne M., Walker J. levande föremål. Ett studiematerial om vård, inventering och katalogisering. Länsmuseum Västernorrland, 1997. 31 s.
- Lang, 1988 — Lang J. T. Viking-Age decorated Wood. A Study of its Ornaments and Style // Medieval Dublin Excavations 1962–81. Ser. B. Dublin, 1988. 102 p.
- Lennartsson, 1999 — Lennartsson M. Karolingische Metallarbeiten mit Pflanzenornamentik // Offa. Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte und Mittelalterarchäologie. 1997/98. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1999. Bd. 54/55. S. 431–621.
- Maltby, 2012 — Maltby M. From Alces to Zander: a summary of the zooarchaeological evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino // The Archaeology of Medieval Novgorod in its Wider Context. Oxford: Oxbow Books (The Archaeology of Medieval Novgorod Series). 2012. P. 351–380.
- Muhl, 1990 — Muhl A. Der Bamberger und der Camminer Schrein Zwei im Mammenstil verziertr Prunkkästchen der Wikingerzeit // Offa. Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte und Mittelalterarchäologie. 1990. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1990. Bd. 47. S. 241–421.
- Murahseva et al., 2021 — Murahseva V. V., Kainov S. Yu., Kovalenko E. S., Podurets K. M., Glazkov V. P., Murashev M. M., Chichayev I. A., Presniakova N. N., Tereschenko E. Yu., Retivov V. M., Yatsishina E. B. Barbarian Scepters of the Viking Age from the Chernaya Mogila burial mound at Chernigov (present-day Ukraine) // Journal of Archaeological Science. 2021. Vol. 37. Art. 102946.
- Musset, 2002 — Musset L. The Bayeux Tapestry. Woodbridge: The Boydell Press, 2002. 271 p.
- Ó Floinn, 2001 — Ó Floinn R. Irish and Scandinavian Art in the Early Medieval Period // The Vikings in Ireland. The Viking Ship Museum. Roskilde, 2001. Pp. 87–99.
- Price, 2002 — Price N. The Viking way: religion and war in late Iron Age Scandinavia // AUN (Arkeologiska Undersökningar ved Uppsala Universitet) 31. Stockholm, 2002. 435 p.
- Price, 2013 — Price N. Belief and ritual // Viking. National Museum of Denmark. Copenhagen, 2103. P. 162–196.
- Roesdahl, 1981 — Roesdahl E. From a Danish Homeland // The Vikings in England and in their Danish Homeland. London, 1981. Pp. 19–39.
- Simek, Hall, 2007 — Simek R., Hall A. A Dictionary of Northern Mythology. Rochester; New York: Boydell and Brewer, 2007. 438 p.
- Schietzel, 2014 — Schietzel K. Archäologische Spurensuche in der frühmittelalterlichen Ansiedlung Haithabu. Dokumentation und Chronik 1963–2013. Neumünster; Hamburg: Wachholtz, 2014. 647 S.
- Smirnova, 2005 — Smirnova L. Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition. Oxford, 2005 (BAR International Series; 1369). 334 p.
- Stanisławski, 2007 — Stanisławski B. Sztuka wikingów z Wolina // Średniowiecze polskie I powszechnie. Sperka, Katowice, 2007. T. 4. S. 28–50.
- Vierck, 2002 — Vierck H. Zwei Armuttbilder als Zeugnisse des ausgehenden Heidentums in Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2002. S. 9–207.
- Wamers, 2006 — Wamers E. Insignien der Macht // Die Macht des Silbers. Karolingische Schätze im Norden. Regensburg: Verlag Schnell & Steiner, 2006. S. 35–72.
- Wilson, 2012 — Wilson D. M. The development of Viking art // The Viking World. Routledge. London; New York, 2012. P. 323–338.
- Wilson, Klindt-Jenssen, 1963 — Wilson D., Klindt-Jenssen O. Viking Art. Ithaca-NY: Cornell University Press, 1963. 171 p.
- Zori, 2007 — Zori D. Nails, Rivets, and Clench Bolts: A Case for Typological Clarity // Archaeologia Islandica. 2007. № 6. P. 32–47.

Wooden finial in the shape of a ram head from the Property “C” of the Troitsky site

N. V. Eniosova, V. K. Singkh

The paper presents a study of the fragmented wooden crooked detail in the form of a ram head that was found in Novgorod the Great on the Troitsky XII site in 2000. It was carved from soft and flexible maplewood. One of the faces of the sculptural head combines features of a real ram and semi-fantastic lion with a ribbon-like body and asymmetrical interlace pattern of ribbons, tendrils, spirals, and the acanthus leaves. The ornament can be assigned to the Mammen style of the Viking Age as proved by stylistic comparison with a small number of objects originating from Scandinavia, Germany, England, Ireland, Iceland, Spain, Poland, and Old Rus'. The ornament on the other face exhibits interlaced double ribbons, scrolls, tendrils, and floral motives as well the most diagnostic elements of the Borre ring chain — a symmetrical interlaced pattern. The floral motifs on both faces reflect the influence of the Anglo-Saxon Winchester style.

Despite a similar appearance to a wooden crozier, the crooked detail from the Troitsky site could not be attributed to this kind of objects because of its semicircular cross-section. Based on rare archaeological samples and medieval illuminated manuscripts we can assume that it was zoomorphic finial of the chair back or front arm. Chair-thrones were symbols of might and power in the Viking Age. Elite and fascinating décor, professional skill of wood cover, and possible attribution to prestigious furniture testify to the owner's high social status and direct North European connections.

The furniture detail was found at the partly excavated Property “C” in the narrow space between wooden building XII-194 and the wattle fence. According to dendrochronological data the structural timbers were cut down in 957. A range of domestic utensils and objects of the northern magic cults were found in and around the timber building. It testifies that Scandinavians were within the first settlers of Property “C”. The owner of the decorated chair-throne might have been a ritual actor, taking part in an animal sacrifice before the construction of the building. Two skulls of the rams dated to the second part of the 10th century were found at the neighboring Property “E” excavations. There were also some wooden objects decorated with the ram's head found in the earliest layers of the Troitsky site properties. In Norse mythology, a sacred ram has a particular association with the god Heimdallr. In general assessment, the carved wooden furniture detail from Property “C” perhaps is exceptional among the objects of Scandinavian origin found at the excavations of the Troitsky site because of its skillful wood carving, artistic style, function, and purpose. It is one of the rare artefacts reflecting pagan views and cult practice of the Scandinavian settlers in Novgorod in the second half of the 10th century. The dendrochronological data fits well with the dates (950–1050 AD) proposed for the Mammen style within Scandinavia and the British Isles.